



Екатерина РАЙКИНА: МНОГОЕ О НЕМ ЗНАЕМ ТОЛЬКО МЫ, ЕГО ДЕТИ

В прошедшем году исполнилось 90 лет со дня рождения Аркадия Исааковича Райкина. Появилось множество публикаций о нем, в который раз были показаны знакомые спектакли, сценки, вызывая новый восторг и изумление перед артистом, искусство которого не только не потускнело со временем, но, напротив, обрело эталонность недостижимого. Сегодня нет на эстраде равных ему, и трудно предугадать, появятся ли вообще когда-нибудь.

Именно поэтому каждое слово правды, сказанное об Аркадии Исааковиче, так важно и нужно, особенно, если оно сказано близкими ему людьми. Среди самых близких – Екатерина Аркадьевна Райкина, дочь Аркадия Исааковича, известная актриса театра и кино. «Я никогда не отказываюсь от предложенный рассказать об отце, потому что думаю: чем больше будет написано, тем дольше сохранится память о нем, – говорит она. – Многие вещи уходят, а о некоторых знаем только мы, его дети – я и мой брат Константин Райкин».

КОММУНАЛКА В ЛЕНИНГРАДЕ

Мною практически не занимались, потому что родители со своим театром почти всегда были на гастролях, а я оставалась с бабушкой, папиной мамой. У нас была большая коммуналка на Греческом проспекте. Наших было две комнаты, а всего там было то ли 12 комнат и 6 семей, то ли 12 семей и 24 комнаты – теперь уже точно не помню. Это была не квартира, а целое государство. Громадные барские хоромы, громадный круглый холл при входе, четыре колонны. По коридорам, словно по улицам, ездили дети на велосипедах.

Училась я довольно хорошо и к тому же ходила во все кружки, которые были только возможны: коньки, лыжи, плавание, драмкружок – все было мое!

Родителей никогда в школу не вызывали. Мало того: я сама себе подписывала дневник.

Самое большое счастье было, когда мама с папой приезжали домой. Но они мало интересовались моей жизнью. Помню даже такой папин разговор по телефону: «Алло? Да, спасибо, приехали. Ну, месяца два побудем. Потом поедem в Москву, месяца на полтора, потом, наверное, отдыхать где-нибудь на месяц. Потом опять по стране. Катенька? Да, вот она, сидит, ну, конечно, уже большая. В каком классе? (тут он закрыл трубку ладонью: «Ты в каком классе?» – «В пятом, папа, в пятом»). Ну, она уже в пятом. Как она учится? («Как ты учишься?» – «На пятерки и четверки»). «Хорошистка она!»

ЛАВРЕНТИЙ ИЛИ МИТЕНЬКА?

Меня назвали в честь моей бабушки Екатерины Романовны Бродской. А Котеньку назвали очень смешно. Помню, когда мама была беременная, она все время ходи-

ла, перебирала имена и говорила: «Мне хочется назвать его Лаврентий, чтобы был Лавруша, Лаврушка». Папа при упоминании этого имени вздрагивал, мама спохватывалась и восклицала: «Ну, конечно, какой может быть Лаврентий! Он будет Дмитрий, Митюша, Митенька». Они этот вопрос мусолили очень долго, пока дедушка, мамин отец, врач-терапевт по специальности, энциклопедически образованный человек, с большим юмором, обаятельный и добрый, наблюдая за всеми этими мучениями, ни сказал: «Ну, зачем вы так долго думаете, когда все так просто решается: назовите его в честь вашего Бога – Константина Сергеевича Станиславского». И они назвали его Константином.

ГОЛОДНЫЙ КОШМАР

Было ли мое детство счастливым? Помню, папа спрашивал меня: «А ты помнишь

дедушку? Как он тебя любил! У него были огромные руки, он сажал тебя голой попкой себе на ладонь, гладил по спинке и от счастья чуть не плакал. Неужели ты не помнишь этого?» А я говорила: «Мне все перебила война». Эти ужасные годы в Ташкенте, этот голодный кошмар – он затмил все остальные детские воспоминания.

Осенью 41-го года, когда уже началась ленинградская блокада, я с родителями приехала в Москву. Все остальные родные оставались в Ленинграде. Их отец вызволил потом, как только блокада была прорвана. Мы остановились в гостинице «Москва». Через три недели мама с папой должны были ехать на фронт с выступлениями, и вопрос о том, куда меня девать, стоял очень остро. Они постоянно обсуждали это. Неожиданно к ним в гостиницу подошла какая-то незнакомая женщина. Видимо, она слышала их разговоры – те-

перь уже трудно сказать, как в точности все было, – и участливо сказала, что им, наверное, трудно с таким маленьким ребеночком (я крутилась тут же), что она из Ташкента и может забрать меня к себе, что мне у нее будет тепло и сытно, потому что у нее хороший дом и фруктовый сад. И мама отдала меня этой абсолютно случайной тетке. А та очень быстро смекнула, что, заполучив ребенка, она получит и продуктивные посылки от ее знаменитых родителей, и деньги. Продукты были ей крайне необходимы: в подполе ее дома скрывались два сына-дезертира, которых нужно было кормить.

Год я прожила в доме этой жуткой женщины. Ко мне она относилась, как к скотине, нет, хуже: скотину все-таки кормят и хоть как-то берегут. Из всего того, что присылали родители, – а они посылали и мед, и консервы, и крупы, сахар – мне не доставалось ничего. Я ходила по дорогам и собирала упавшие с грузовиков зерна, копалась в арыках в поисках огрызков. Мои руки и ноги покрылись ужасной экземой. И я хотела кушать, кушать, кушать. Когда через год за мной приехала бабушка с папиным братом и сестрой, которые и сами чудом уцелели в блокаду, они поняли, что еще месяц и меня бы уже не было в живых.

Когда я стала взрослой, то мне моя тетя передала разговор с моей мамой. «Ромочка, – спросила она, – скажи, почему ты отдала Катю первой попавшейся мерзавке? В Ташкенте были писатели и композиторы, был МХАТ, был еврейский театр Михоэлса. Можно было попросить любого – почему ты поверила ей?» И мама сказала с пугающей откровенностью: «Дочка у меня могла быть еще, а Аркадия я бы потеряла навсегда».

Если бы эту историю мне мама рассказала, когда я была ребенком, я бы, наверное, не смогла ей этого простить, но я была уже взрослой женщиной и видела, что значил отец для мамы. Он действительно был для нее всем.

ЛЕГЕНДЫ И СПЛЕТНИ

Помню, я однажды услышала по телевизору, как кто-то – уж и не помню кто! – рассказывал гнусную сплетню об отце, которая активно распространялась в 60-е годы. Причем преподносил ее не как легенду, а как истинную правду! Я имею в виду жуткую историю о том, как Аркадий Исаакович якобы отправлял в Израиль гроб с телом матери и положил туда несметное количество драгоценностей и бриллиантов. Впервые эту небывлицу, насколько я помню, поведал некий профессиональный лектор на одном из крупных заводов Ленинграда. А мораль была, видимо, такой: «Будьте бдительны! Внешне вам может казаться, что этот знаменитый артист «наш человек», но его изнанка может быть совершенно иной».

Была и другая история, причем отец ужасно не любил о ней вспоминать, хотя, думаю, она-то как раз и была на самом деле. Я имею в виду тот самый жуткий выкрик в зале: «Ты жид!», когда отец выступал в Киеве в огромном зале то ли на две, то ли три тысячи мест. После чего папа не был в Киеве более 10 лет. Для его театра этот город словно перестал существовать. Они ездили куда угодно,

но только не в Киев.

А было вот что: на благотворительном концерте в Фонд мира, за который папа не получал ни копейки, он произносил свой известный монолог: «Ну, скажи, кто я, кто я? Ба-ра-райкин!» – помните? Ну, там велся рассказ насчет самообслуживания. И кто-то сверху выкрикнул: «Жид». Потом, через много лет, папу не раз журналисты спрашивали об этом эпизоде, но он никогда о нем не рассказывал, даже отрицал, что это было. Думаю, ему было страшно неприятно об этом говорить. Впрочем, нужно честно сказать, что это был, пожалуй, единственный публичный антисемитский выпад в его сторону, хотя письма были.

САМЫЙ ДОРОГОЙ Артист

Папа, конечно, много гастролировал, приглашали его и за рубеж. Вот, например, история о том, как папа выступал в Лондоне на открытии нового телевизионного канала. Устроители хотели сделать сюрприз своим зрителям и показать им что-то интересное, талантливое и необычное. И они подумали, что это может быть Райкин. Стали звонить в Москву, просить его. Папа ничего этого не знал, потому что все переговоры велись с Екатериной Алексеевной Фурцевой, тогдашним министром культуры. Екатерина Алексеевна стала говорить, что Райкин не может, что у него другие планы, он болен, он готовит новую программу и прочее, и прочее. Англичане предложили заплатить деньги, Фурцева поинтересовалась: «Какое?», но, услышав сумму, тут же заявила, что Райкин очень болен и очень занят. Начался торг. Англичане перезванивали, набавляли сумму, и всякий раз слышали в ответ «нет». Наконец, когда размер предложенного гонорара достиг критической суммы, Фурцева дрогнула и сказала: «Я сейчас соединю вас с министром финансов». «Да, – подтвердил тот, – это именно та сумма, которую стоит наш великий артист». Папа об этом торге узнал намного позже, ему рассказал об этом советник по культуре нашего посольства в Англии.

А когда они с мамой, наконец, прилетели в Лондон (весь остальной театр должен был прибыть через несколько дней), то прямо в аэропорту на них накинулись журналисты и их первый вопрос был: «А сколько вы получаете в Советском Союзе?» Папа, чувствуя подвох, сказал: «Приблизительно столько же, сколько и здесь». И на завтра вышли газеты и журналы с заголовками: «Самый дорогой артист мира!».

Разумеется, когда папа получил свой гонорар, его тут же повезли в королевский магазин, и он купил там шапку-пирожок из серенького каракуля, тросточку-зонтик, галстук и рубашку. Мама купила себе костюмчик и что-то мне. Это было все, на что хватило денег. Потому что 90 процентов они отнесли в посольство. Так было всегда: заработанную валюту нужно было сдать практически всю.

Записала
Элла МИТИНА

С сокращениями. Полностью публикуется в «Вестнике ЕАР» – информационном издании Еврейского агентства в России, №5-6. ■